

Жара

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Март Владислав

Владислав Март

Жара

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69573766

SelfPub; 2023

Аннотация

Вымышленное лето. Прятки и догадки прячущегося и недогадливого человека. Продолжение рассказов "Та осень" и "Снег".

Владислав Март

Жара

Тридцать один.

Упираюсь ногами в книжный шкаф потому как не помещаюсь полностью на диване. Диван не предполагался как средство для лежания. Думалось, только для сидения двух персон. Никак не для праздного спасения горизонтального тела был куплен этот диван. Предназначением его мыслилось ублажение ягодиц сидящих, желательно разнополых людей. Теперь вот на, лежат на нём длинные части одного. Мужская спина, поясница и бедра. Голени и стопы же через прослойку тяжёлого горячего воздуха упираются в шкаф. Из-за стеклянных дверей шкафа смотрит на длинные мои части ряд биографий Маяковского и собрание Воннегута и много прочих прочитанных томов. Такие дела, Курт. От жары книги разомлели, отодвинулись друг от дружки, просели, размаялись. Появились щели в стройных рядах, где воздух цвета пламени свечи стоит мягко-твёрдой затычкой, жевательной резинкой, гудроном, капающим на невинную стопку медицинских журналов внизу. И есть расстояние между томами, и нет его. Жвачка издали – промежуток, но попробуй-ка выдернуть Курта из ряда. Липкая жара порвёт корешок на тысячу нечитаемых слов. Никто не пытается. У этих книг был читатель, да всё прочёл. Я лежу напротив, придав-

ливая ногами дверцы, чтобы Маяковский с Воннегутом не вышли, не увидели до чего мы тут дожили, не заговорили со мной лесенкой, не вздыхали как над безнадёжным. Оставайтесь на полках. Сгорите в этом зное тихим застекольным огнём. Вас всё равно кроме меня никто не читал, не читает и не станет читать. Вы неактуальны. Лирика и пацифизм. Вы мастодонты неактуальности. А ну, не смей смотреть на меня укоризненным корешком! Больше не будет книг. Кесарю – кесарево, мобилизованному – мобильник.

Четыре, тяжёлые как удар мои конечности не в силах выполнять полезную работу. За стеной иссыхает скошенная и неубранная трава. Поставленный и недокрашенный забор. Посаженные и неогороженные лилии. Всё недоделано. Всё ждёт ночи. В тридцать один я могу только подпирать шкаф, защищая нервную систему классиков от выхода из себя. От взгляда наружу. Кстати, о ночных трудах, купил новую тачку. Натурально, не смотря на рост цен, кризис выбора и советы дефлюенсеров. За четыре восемьсот. Шика-а-арную. Отчего раньше не купил? Отчего пешком ходил-убегал? Отчаявшись носить вёдрами, вожу качкой. В ближайшем строительном рынке для своих, без постов и росгарды, под закрытие, со скидкой в двести, взял и укатил. Двухколёсный дребезжащий помощник теперь тоже ждёт ночи. С ним под двадцатью девятью развезём воронежскую землю по подмосковным ямкам, тут досыпаем, там поровняем, сделаем приятно и абрикосу, и черешне. Если не сдохнут они до ночи в адо-

вом пламени лета. Если я смогу встать с дивана для сидения двух персон. Если не упадёт шкаф от возмущения писателей на меня и не задавит бледную тень-пародию на страдание и початок творчества. Извините, дядьки, в моё время нет революций и тюрем за громкие крики лозунгов, не выгоняют из страны за манифесты. В моё время нет мировой войны, нет голода и вопросов зерна. Мы живём мирно, демократически, питаемся вай-файем с соевым фалафелем и не трясёт нас от передовиц. Наш главный враг, как и всегда в истории, есть сам наш народ. Ценитель сильной руки и лживого врага. Если таковых нет, но на раз-два рассчитайся и вот тебе половина народа – враги. Осталось только бицепс накачать. Кто если не мы придумаем себе врага и победим его. Дикой дивизией имени Каина.

Я достал телефон и убедился, что по-прежнему ничего не видно через яркий свет дня, телефон раскалён, как и моя ладонь. И всё же, сложив из ладоней полусферу и пролив тень на экран я пробежал по строчкам текстов. Криэйторами новостей сегодня прислуживали вырезанные из рубля идиоты. «В России подешевела икра». «Реальный доход населения вырос на 8% год к году». «Ажиотажный спрос на новый «Москвич»». Спасибо тебе серая симка за дар новостей свободных заборных людей. Почитаю как они хорошо живут, завидую. Может и вырвать от позитивных перспектив с непривычки. Во время бега по заголовкам через дырочку в сложенных ладонях я не забывал прижимать ногами дверцы

книжного шкафа. Стыдно будет если классики подсмотрят о чём сейчас пишут на русском языке. Томик рассказов Чехова 1970-го года издания уже стукнул в стекло с той стороны. Что там на воле? Лишь бы моя коллекция биографий Маяковского, в тяжёлых остроугольных кирпичах не начала падать с верхней полки. Бывало и я писал, было время доносил до людей мысли. Предупреждал, так что аж меня стали предупреждать. Но это никому не нужно, Антоша, одни проблемы от этого. Больше не буду ни стрелять, ни писать. Сейчас чтобы прослыть инакомыслящим можно уже не писать, просто мыслить. Через минуту-другую тени от ладоней перестало хватать и поле зрения залил летний огонь. Экран превратился в зеркало отражающее кусок моего лица. Чёрное зеркало. Где-то в зазеркалье ещё мелькали буквы, но этот уходящий поезд, эту кроличью нору следовало отпустить. Свет и жар залил ладони, ступни, державшие дверцу от вырывающегося Чехонте, потолок с лампочкой на толстом белом проводе, пол – бильярдный стол – с раскиданными по нему мячами для игры с псом. Тело в коротком диване обмякло мочалкой. Горячая кровь пробила мозговой барьер и остановила работу центра, ответственного за тонус и симметрию. Роль убитого в поле дезертира я всё же пластично исполнил, только на диване.

Двадцать девять.

Радиация тепла от земли грела пятки через резиновые шлёпанцы, вода в шланге была кипячёной, колёса тачки

оплавились, пошли пузырьём. В полной темноте грабли собирали скошенную не совсем в полной темноте траву. Ящик для компоста раскрыл пасть как бегемот и ждал скрипа колеса. Деревья, что отказывались днём отбрасывать тень на землю, теперь отбрасывали её на небо. Лето не закончилось. Жара никуда не ушла. Безветрие было таким густым, что перемещаясь по участку приходилось перед собой прокладывать путь через воздух. Отодвигать руками горячее прозрачное нечто, как паутину при ходьбе по лесным тропкам. Иначе стоячая гарь могла привести к ожогу или ушибу лба. Мы с тачкой вывалили в зев ящика убитую дважды траву. Сперва леской, потом солнцем, и сверху закидали её же спрессованной кровью, смявшейся в пластилин на защитном экране бензокосилки ливерной колбасой, лимфой скошенной травы. Эту травокашу, собранную в ладони можно есть. Комкать как веганскую котлету и есть. Фалафель из клевера и одуванчиков. Я попробовал понюхать скомканный шар, выжать из него каплю воды, не пахнет, не течёт. Скорее подойдёт как образив для кожи, как жмых из кофемашины, отшелушить с себя страх и ненависть. Нет воды в траве. Нет света на участке. Я кротом перевожу на ощупь тачку, что пытается выдать меня скрипом на место у крыльца, перехожу к поливу.

Заурчало чудо белорусского насосного дела и по пятидесятиметровому шлангу зашаркала, цепляясь за сухое нутро резины, возвращающаяся из Аида ледяная вода. Умыл руки,

умыл ноги, умыл лицо. Вышел ступнями из лужи под собой и стал поить природу. Сливу, алычу, вишню и далее по лемарковскому списку. Оживление произошло не сразу. Первым живым из-под шланга вышел мокрый пёс. Он сел в тачку и стал кататься по недовыровненному участку от недостроенного забора к дому, неизменно попадая во все ямки, что вырыл он же во времена лихих игр весной. Намокшие глаза поначалу отражали блеск луны на его клыках и даже немного отвисший язык. Но через минуты и пёс, и я, и алыча снова стали сухими в плотной завесе жара от земли, снова просили пить, не чувствуя, как холодна подземная спасительная жидкость. Полить. Ещё полить. Но остановиться. Страх, что вода закончится в этой бездождливой стороне, страх приказал остановить ток, умертвить до следующей ночи насос.

Снова стало тихо как перед первым разрезом в операционной. Вишня остановила рост и обиделась. Пёс перестал гонять в тачке. Я перестал дышать и упёрся лбом в столб горячего воздуха перед собой. Луна, тупая и ненужная как десертная ложка стала размытой и неровной в мареве жаркости бытия. С юга на север пролетела дрянь. Чёрная крестообразная на фоне сине-фиолетового неба, пролетела бесшумно. И чёрт с ней. Лишь бы только за Редькино её не разорвало на куски, лишь бы не привлекла внимания к моему углу суши. Лети, дрянь, на север. Вся дрянь летит на север и ты лети. Я подозвал пса и закрыл ему глаза руками чтобы он не увидел летящее и не подал голоса. Наш чёрный пря-

моугольник участка с пастью компостного ящика, с матовой не умеющей блестеть тачкой, без фонарей и отражения в воде, невидим и не нужен никому. Так и будет. Дрянь пролетела без суеты и манёвра. Пёс ушёл куда-то, вычислив не самый жаркий метр и шумно лёг с выдохом там во тьме. Небо без дряни, можно и подышать. Найдёт дорогу сам. Я обернулся на контур дома. Стены ещё маялись и вибрировали от градуса. Настежь открытые окна, бессмысленно пытавшиеся весь день снизить жар, теперь бессмысленно пытались заместить один тугой несжимаемый горячий воздух на другой такой же, только сине-фиолетовый. Свет, разумеется, не горел нигде и тысячи насекомых не подозревали, что над травой высится обиталище человека. Без маяка лампочки, недалёкие бесскелетные не залетают в окна. Не садятся на потолок, не жалят уснувшего от усталости хозяина. Я попытался сделать что-то полезное в саду. Наступил в темноте на сорванные и недоеденные воронами яблоки. Снял несколько слив, которые поленились украсть сороки. Попытался во тьме понять долго ли ещё зреть вишне, груше и тому абрикосу, что я посадил по ошибке. Все ягоды были серыми и на ощупь плотными, не пахли. Время сбора не пришло. Затем я застыл и прислушался. В посёлке были звуки, тихие как разговор или урчание машинки для бритья. Кто-то ещё проводил здесь время, но также не высовывался. Света не было, сколько я мог видеть, встав на перекладину забора. Возможно это работает автомат-очиститель или старый холодильник в пу-

стных соседских домах. Если яблоки вороны будут так таскать и дальше, то скоро мне идти в магазин. Мероприятие это следует оттянуть. Наличных мало, а об использовании карты лучше не думать. Всё, больше никаких дворовых забот и слепых обследований. Пора спать. Пора делать эту трудную работу. Дышать горячим воздухом голым в темноте с закрытыми глазами пока не наступила парализующая жара дня.

Тридцать один.

Пью холодную воду. Принял к сведению прошлую ошибку пить холодное вино. С ним пустой день превратился в пробел. Меня не устроило, тем более что вино дороже воды, а охлаждение не менее иллюзорно. Подпер книжный шкаф стулом и сижу у лестницы между щелью окна и щелью двери. Пёс указал это место вчера как прохладное. Хотя кого обманываю, как наименее раскалённое. Приняв душ в третий раз за утро, проходя мимо комнаты со шкафом услышал негодование Чехова по поводу общей запертости. Стул колыхается, но открыть изнутри Антон Палыч не может. По какой-то неизвестной причине Владимир Владимирович и Курт Куртович не помогают Чехову подналечь на дверцу и сдвинуть мешающий стул. Может не хотят со всей своей высоты упасть на расплавленный ламинат, а может мешает договориться о скоординированных действиях языковой барьер. Я выглянул аккуратно из проёма и посмотрел за стекло шкафа. Чехов сборником рассказов начал давить на стекло, а изданием в мягкой обложке частично пролез в просвет меж-

ду дверцами. Маяковский на верхней полке молчал недвижимо. Воннегут на предпоследней отодвинулся от стенки «Матерью тьмой», но скорее из-за жары, а не ради приближения к стеклу дверцы. Хотя, он хитрый, надо посмотреть через час, куда двинет «Колыбель для кошки» воспользовавшись моей полуденной параплегией. Я спрятал голову обратно в коридор, ещё минуту послушал как Чехов в одиночку пытается без эффекта отодвинуть стул и потом варёным мясом утащил чрево своё в угол к лестнице. Но там уже лежал бедолага пёс, занял тригонометрию потоков воздуха. Чтобы не создавать прослойку густого пара между нами, я присел не рядом, а у противоположной стены. В глаз мне попал лазерный луч солнца от провисшей шторы. Слеплённый я обрадовался тем, что теперь ничего не нужно решать.

Я постарался протянуть в положении проткнутого иглой насекомого как можно дольше. Себе любимому посвятить это положение. Нет движения, нет радиации тепла. Пот беспрепятственно стекает гравитационной тропой. Испеплённый день так бы и прошёл, но отчего-то я решил проверить воду в миске пса. Перетаскивая варёные портняжные мышцы по полу я мелком в окне застал незнакомца снаружи дома. Вся млявость исчезла. За шторой, за стеной, за забором, за дорогой кто-то стоял. Возможно он смотрел на моё окно и видел моё перемещение. Концентрация и решительность. Не паниковать. Я на четвереньках переполз на второй этаж чтобы оттуда выглянуть и опознать гостя. Дырка

в шторе не давала хорошего обзора. Ясно было только, что человек ушёл. На краешке бетонного заезда у ворот лежал свежий окурок. Он дымился от человеческой спички и сейчас догорал под лазером нашей жёлтой звезды. Окурок – это сейчас опасно. Подпалит меня, гад. На перекрёстке у нежилых домов стояла машина откровенно государственного вида. Новая отечественная модель белого цвета. Она не спешно тронулась, притормаживая почти до полной остановки у каждого коттеджа. Затем снова на первой передаче тянулась по улице, отчего в мареве тридцать первого градуса казалась долгим лимузином. Когда белая повернула налево я увидел на боковом стекле наклейку латинской буквы S. Это они. Последний пот выскочил из меня как из лимона над тарелкой морепродуктов в далёком и забытом времени рабочего ланча. Ищут. Нашли. Человек выходил только у моего дома или нет? Дальше едет и не выходит. Нужно проверить не оставил ли он что-то на воротах. Не сделал ли помету. Ждать. Не проверять сейчас. Ждать ночи. Он всё ещё может быть у ворот. Засада. Это робомобиль и он управляет им от моего забора. Отвлекает внимание. Ждать. Пусть под забором потеет, не обманет. Машина уехала. И через десять минут из-под забора никто не встал. Успокоившись я сел что-то грызть на кухне и включил в телефонной коробочке плеер на минимальной громкости. Случайная песня совершенно неслучайно запела о моих летних каникуках: «Хи Кам Зы Сан. Хи Кам Зы Сан. Ойе». Воспалённые мозговые оболочки долго

не переводили этот корейский текст, что повторялся на реверсе припева. Я грыз шершавую сухую еду и шелестя губами повторял припев: «хикамзысан, ойе». Лучше бы ты сдохло, солнце, чтобы никто из человеков никогда не боролся за место под тобой.

Двадцать девять.

К вечеру я отключился, не выдержав давления разогретого мира. Птицы, провожавшие криками адского Илью, мальчика на шаре, разбудили меня, попутно рассказав, что перемен немного. Плотный как перьевая подушка горячий белый шоколад воздуха не давал вдохнуть полной грудью. Такие же дымки жары, щупальца эфирного кракена, как и вчера, поднимались над металлом крыши сарая. Так же, как вчера, как сегодня днём, иссохшая трава держала ворону, доедавшую несочное незрелое яблоко. Ворона била по нему клювом как невоспитанный ребёнок молотит резиновым молотком зашедшего в гости дедушку. Хорошо бы натренировать ворон против дряни. Интересно, много определившихся уже подали эту идею на субсидию? Я принял душ, выпил ледяной воды, снова покрылся потом, этой самой водой, профильтровав её через морщинистую кожу, и вышел в сад с последними ядовитыми лучами над забором.

Обследовав место окурка и калитку, я обнаружил прикреплённую к ней листовку. Призыв выходить на митинг против Определения. Митинг состоится в воскресенье в Таширово. Нашли дурака, выманивают, притворяются. Видел я

ваш робомобиль, казённый как СИЗО, не умеете шифровать следы, недоучки. В воскресенье неопределившиеся в церковь ходят, а не на митинги, чтобы сойти за Своих. Один отдел не знает, что делает другой. Я вернул на место листовку в точности, как она была засунута в калитку. Бросил несколько раз псу мяч, собрал мусор, подойдёт на растопку зимой, и сел под вишней. Вместо пугала, которого никто не боится, которое не сохранило урожай. Бесплезное тело в штанах, что пришло на эту землю полежать на трещинах сухой земли. В подтверждение моего нестрашного статуса в метре от меня пробежала трясогозка. Другие птицы уже уселись на темнеющих деревьях и ждали что принесёт им луна. Будет ли сегодня прохлада? Собака ожила и опять принесла мячик. Я лениво запустил его в ромашки. Сейчас, сейчас, наступит ночь, я отвяжу тебе качку, катайся по участку. Пятно крови на западе неба разлилось и стало густеть, впитываться в верхушки деревьев. Сгустки повисали на соснах в конце улицы и падали ниже, до самых первых от земли веток. Илья загнал свой горящий паровоз в гараж. Сгустки стекли на траву. Луна стала ярче, но всё ещё растворялась неровной оладьей в перегретом безптичном небе. Я смог набрать его в себя без ожога. Дышал ртом. Цельсий чуток спадал. Жизнь в ночи продолжалась. Я смешивал двухтактное масло с 92-ым бензином, в надежде однажды снова покосить, нарушая тишину на много километров. Пёс гонял от забора к забору на новой тачке, задевая на поворотах пластиковый заборец

винограда. А однажды и вовсе налетел на колодец.

Мы вместе ели и смотрели на чёрный контур леса, где он сливался в фиолетовый верхний мир. Я смог дышать ровнее и всё ладилось. По траве пошелестел то ли уж, то ли ветерок. Мысли о казённом человеке в белой машине казались чем-то далёким. Ну, кто меня здесь найдёт. Вокруг ни души. Все соседи уже или там, или определились и уехали в город. Кто-то ещё в первую осень добровольно прилёт под орешник. Я один. Я победил в этой гонке. Я не значусь в списках и когда всё закончится, то меня не в чем будет упрекнуть. Пёс положил голову на мою ногу. В контуре чёрного леса одна сосна достала-таки луну и торкнула её своей пикой-вершиной. И вдруг появилась дрянь. Само по себе рядовое событие. Ночь – время дряни. Но мало того, что дрянь появилась, и появилась она не с южной, а западной стороны. Так дрянь ещё и зависла над моим участком, примерно над сараем. Я прикрыл веками свои белки глаз и прижал пса. Не шевелясь я смотрел как дрянь немного покачиваясь висит совсем низко над постройкой. Она качнулась и стала ещё на метр ближе к земле, словно падала по невидимой лестнице. Может эта импортная, с инфракрасным глазом? Вот же, дрянь, давай улетай! Прочь! Уйди от сарая, падай хотя бы за забор. Брысь! Дрянь, думаю, не слышала моих мыслей и качнувшись ещё раз снизилась и перелетела наискосок к углу дома. Попробуй, дрянь, только упасть здесь, я тебе все кишки разорву! Точно упадёт. В таз упадёт сейчас. Падла! Не вздумай падать

в таз для мыться собаки! По виду дрянь была пустая, только с камерой, и мне пришло в голову, что можно накинуть на неё в темноте футболку и сбить потом граблями. Если она пустая, то никто не узнает. Наверное. Я брошу её в компостный ящик или закопаю. Но вдруг не пустая? Пёс стал вырываться и хотел бежать в сторону висевшей всего полтора метра над землей черной крестовиной дряни. Мне стало тяжело держать собаку и я осознал, что она выдаст меня, я не успею накинуть футболку. Может просто сразу сбить граблями? Уйди от таза! Расколотишь таз, где возьму новый? Тут высоко над всеми нами послышалось тихое жужжание, как у старой детской игрушки. Вторая дрянь, какой-то паучьей формы с висящими ножками пролетела между моим взглядом и светом луны. Первая, тут же набрала высоту, взмыла над тазом, сараем и участком и потянулась за пролетевшим пауком, как младший брат за старшим. Я отпустил собаку. Хорошо, что не сбил. Непонятно чья это дрянь, вдруг своя, по глонасу найдут и всё тогда зря.

Тридцать один.

После физического охлаждения в душе бесплатной колодезной водой, поступавшей в кабинку посредством спаянных китайских пластиковых труб и мудрёной комбинации гидроаккумулятора и какой-то синей коробочки, я продолжил своё летнее путешествие. Для начала посетил пустую комнату в которой висел дартс и бросил пару десятков раз удивительно точно. Проведал кладовую под лестницей и пе-

ресчитал консервированную тушёнку. Я выглянул из всех окон второго этажа убедившись, что борщевик засох, дорога пуста и в посёлке нет признаков человечества. После этого, утрачивая последнюю душевую свежесть я почитал новости. VPN сообщил мне, что за пределами моих хвойных стен мир болен как и вчера. «Суд признал патриота, убившего Ю. Шевчука во время концерта в Петербурге невменяемым и освободил от ответственности». «В мире стало на одну негритянскую семью миллионеров больше. Узнайте у потомков Генриетты Ларкс как ни дня не учиться и не работать, но стать богатыми». «УАЗ возрождается: на автосалоне в Самаре представлен полноприводный «Кантрибой»». «Шестнадцатилетний школьник приписал себе два года в анкете и ушёл добровольцем. Правда раскрылась при награждении Крестом Добра». Свежесть выходила из меня через глаза, слезящиеся из-за всепроникающего солнца, через ладони, потеющие от горячего смартфона и через мозг, что пытался сквозь поток новостей понять, можно ли сделать вылазку до Плесеновского за хлебом или весь мир сошёл с ума, включая деревенских. Местных новостей не было. Центральные не сообщали о новых ограничениях.

Скоро слёзы, пот и слюна закончились. Я сваривался в биомассу и перешёл на первый этаж, где было за полградуса ниже. Наблюдая за псом, я занял второе (после него) по хладности место, если, конечно, такая температура может считаться прохладой. Дело шло к полудню, я привычно пригото-

вился плавать в собственных сиропных мыслях. Они маленькими отвратительно липкими комочками выходили из моего лба в сторону шторы пронзённой пламенем фотонов. Встречаясь с ними где-то над столом, испарялись, оставляя запах намокших кладбищенских конфет. Так. Провианта много. Но он однообразный. Терпим. Для пса всё неплохо. Морозилка полная чых-то ног. Если в ближайшие вечера будет тихо, то пойду лесом за хлебом. Вода в колодце есть до сих пор. Дождей нет. Пожалуй, сегодня не буду поливать деревья, поэкономлю воду. Мусор можно не трогать ещё неделю, в крайнем случае выкопаю новую яму. Терпим. На днях могут быть новые яблоки, вороны уже присматриваются, накину сетку. Надо вывернуть все лампочки, вдруг по привычке ночью включу, один раз уже было. Рефлекс. Окно в каминной можно дополнительно закрыть книжным шкафом. Жалко, что он не влезет в прихожую. Терпим.

Я подошёл к книжному. Курт придвинул за ночь свои тома вплотную к стеклу и теперь вместе с Чеховым они распластались вдоль третьей полки. Что-то задумали. ВВ будто бы не шелохнулся, но я не мог вспомнить какая книга стояла первой в ряду у него. Янгфельдт или Быков? Помню красная. Не поменялись ли они местами? Похоже, ВВ в деле, готовят побег. Я подвигал шкаф, пытаюсь выволочить его и закрыть им окно в другой комнате и промок как будто бежал марафон. Резкая слабость опустила меня на диванчик рядом и я снова принял положение лёжа с упором ступнями с две-

ри шкафа. Оттуда, снизу, было однозначно понятно, что и Маяковский провёл манёвры. Они все стоворились выйти и обрушиться на меня. Пот, вышедший из моей кожи при попытке перетащить шкаф ближе к коридору вызвал какой-то ионный дисбаланс. Меня стало трясти. Соль вышла на футболку, а водица осталась внутри, в сердце, в кишках, и теперь меня знобило и корячило. Преодолевая слабость промокاشки я дошёл до холодильника и выпил драгоценный запас минерализованных «Ессентуков». Тряска прекратилась, но холодный напиток тут же инициировал позыв в туалет. Внутренняя холодная вода без долгих кишечных заворотов провалилась сразу на дно. Вся эта жара, с её расстройствами, головной болью, диареей и убитыми биоритмами побеждала меня. Похоже в плен брать не собиралась. Я погибну в окопе туалета или дивана утонув в собственном поту. Прорасту ромашкой с маленькими чёрными жучками на цветах. После туалета ноги вернулись к охране книг, а веки понемногу сомкнулись и мне привиделся лихорадочный сон больного ребёнка. Что-то неуловимое про таз, на стенках которого были следы зелёнки от купания малыша с пятном антисептика на пупке. Что-то про плавающий градусник в форме бледно-зелёного ошпаренного крокодила и недоверие к рукам, проверяющим температуру воды. Кто-то тёплый и мягкий как шарф в этой воде. Но после, снова, как и каждую ночь, улыбающиеся лица патриотов, кресты и латинский алфавит. Я проснулся.

Обедом стал сначала обожжённый, как молодец в сказке, ныряющий в кипящее молоко, а затем остуженный в холодильнике «Роллтон». Со вкусом шкурки сырокопчёной колбасы. Со вкусом канцерогена животного происхождения. Что-то подсыпано китайскими веганами для искоренения всея мясоедов святой страны. В бульоне одиноко плавал один нут и одно жировое пятно. Они были как две колониеобразующие единицы и я принял из внутрь своей питательной среды. Положил ложкой в свой мясной агар рта. Заплесневелая корка игристого хлеба, с пузырями почти как у настоящего «Бородинского», напомнила мне, что сегодня собирался выйти в сад при свете чтобы проверить больные розы и всякую прочую гортензию. Из-за режима день в доме, ночь на воле, с минимумом светового шума, подзапустил те растения, что не давали полезных плодов. Одной воды для радости им не хватало. В их пирамиде потребностей стояло ещё и болеть. Мятную хвость удалось победить довольно легко. VPN подсказал, что всего-то и нужно этим экзотическим кускам красоты, что попрыскать их на ночь содой. Длинноножик ушёл после нескольких обработок специальным мылом, что в избытке было запасено ещё до начала Определения. Удобный сифон я сохранил. Может налить в него спирт и протирать какие-то важные шестерёнки в машине жизни? Последняя болезнь – тлябля – оставалась некупированной. Сегодня предстояло оборвать полубольные полу иссохшие листья, окучить, мульчировать, побрызгать ка-

ким-то универсальным ядом из кладовой. На его банке были через запятую перечислены все возможные патогены растений. Этот чудо-раствор, судя по явно лживой инструкции, смог бы избавить нас даже от коронавируса и коррупции, произведи мы его в промышленных масштабах, скажем, вместо танков. Тлябля, у тебя нет шансов. Я иду.

Мне нравится, когда есть понятная инструкция о неотвратимости гибели всего живого. Такое надо на заборах печатать. «Роллон» не дал много сил, но обманул мозг, что ноги и руки сыты, и ими можно безбожно управлять нервами, сгибая и разгибая по очереди. В начале заката, укрывшись от возможного ожога дополнительной длиннорукой футболкой, я работал в саду. Выдыхать приходилось через рот чтобы сдвинуть пласт горячего воздуха. Через нос не получалось, нужна была вся сила диафрагмы. Трава местами выгорела до степени вулканического стекла. Только деревья, пьющие вёдрами из моего колодца, ещё не сдавались. Мне пришло в голову, что по живым деревьям меня можно вычислить с улицы глядя в щель ворот. Действительно, жара убивала всё, с чего вдруг именно на этом участке, неосвещённом и обесчеловеченном, деревья хорошо себя чувствуют? Может и тлябля должна остаться как алиби? Такая логика поглотила мои последние силы и я сел на треснутую землю опершись на сарай. Закат находился у меня слева и я был рад, что не придётся видеть большую часть терракотово-артериальной мазни неба. Небо, которое уводило ненавистное

солнце в какую-то другую сторону чтобы убивать людей и траву там. Чтобы ни говорили по радио, эта жара была связана с Определением. До войны, до всей этой возни, жара летом была игрушкой, капризом, редко врагом на неделю. Но не богом смерти, как сейчас. Что-то там они натворили своей доброй волей, что-то пошло не так с этим закрытием ЗАЭС.

Двадцать девять.

После завершающего кашля огнёмётот солнца на верхушки деревьев наступил синий час. Птицы умолкали. Заткнулась кошмарная сойка, гаркающая как ангел мести. Вот уж не тем достались красивые синие перья. Пёс пришёл и тыкал меня носом, чтобы я снял велосипедный замок и дал ему покататься на тачке. Подожди, пёс, вот небо станет фиолетовым и мы оба начнём смелее перемещаться по участку. Я подобрал ноги и попытался встать в сторону колодезного насоса. «Роллтотна» во мне оставалось на минимум движений. Темнело небыстро. Температура не спадала. Всё за чтобы я ни взялся после полуденного пекла – шланг, дверная ручка, ведро – всё обжигало. Предметы не могли отдать тепло во внешнюю среду потому что воздух вокруг них был такой же банный, массив его не двигался, не уносил бешено трясущиеся переполненные энергией молекулы. Воздух везде и одновременно был одинаково грузным и напалменно-пламенным. Я вернулся на пару минут в дом найти ключ от мастерской и вышел в уже чёрный двор.

Вышел наружу и застыл на месте. В более светлом, чем земля небе, что могло ещё ловить какие-то блёстки луны или звёзд, а может горящих где-то городов, в этом небе над моим участком висела дрянь. Она появилась неслышно и не улетала. Была довольно крупной и явно меня видела. Пса рядом не было, кажется его глаза показали искорку под сараем. Умная псяка спряталась. Я медленно стал отступать к дому и дрянь чуть снизилась, и подлетела в мою сторону. Контур её был необычно толстым, дрянь не пустая. На мне была чёрная кенгуруйка и штаны, как что в темноте дрянь скорее всего различала только моё лицо. Я сделал один медленный шаг назад, дрянь ещё снизилась и подлетела на тот самый шаг. Заходить в дом? Может она только этого и ждёт чтобы сбросить что-то на дом со мной внутри. Нет, дом мне дорог. Я побежал в сторону деревьев сделав неожиданный зигзаг у недостроенного забора. Дрянь осталась за спиной, но ожила, зажурчали моторчики, появился какой-то писк и она, набрав высоту, погналась за мной. Коснувшись первого крупного ствола, я стал случайно менять направление, бежать от дерева к дереву и сильно поцарапался о ветку в темноте. Дрянь зажужжала сильнее и ей пришлось ещё подняться чтобы не влететь в рощу. Я бежал несколько минут и замер у мощного ствола, пахнущего сосной. Натянув на пол-лица свою кенгуруйку я пытался понять где висит дрянь. Жужжало еле слышно. Сердце моё стучало громче моторчика в небе. Скорее всего дрянь меня потеряла. Будет ли бросать наугад или полетит

к дому? В рощу бросать для меня не страшно, дерево защитит. Тут меня испугало прикосновение чего-то к моей опущенной руке. Я вздрогнул как от электричества. В ладонь мне тыкался носом пёс. Он тоже сел у дерева. Дрянь где-то крутила свой моторчик, но я не мог понять где. Темнота наступила как на земле, так и на небе. Контур моего дома перестал различаться. Я сел и обнял собаку.

Внезапно за спиной раздался грохот взрыва, оглушающий как водопад. Затем грохот от падения чего-то и звон стекла, потом через секунды что-то снова глухо упало на землю, словно стена или крыша. Дрянь взорвала чей-то дом. Может решила, что я бежал от одного дома в другой. У меня перехватило дыхание. Головой я понимал, что мой-то дом где-то передо мной в темноте, тот взрыв не очень близко и за спиной. Но видеть я ничего не мог. Вдруг всё-таки взорвала мой? С псом мы просидели ещё несколько печальных минут и потом я стал пробираться в сторону источника шума. Руки держал перед собой отодвигая ветки. Найти место взрыва было несложно. Там горел огромный костёр из остатков деревянного коттеджа. Это был синий дом за рощей, вокруг него я собирал грибы. Я подождал, не выберется ли кто-то из завала, не закричит ли, вдруг там тоже прятался неопределившийся. Но пламя разгоралось, а движения людей не было. С псом мы вышли на дорогу чтобы не рвать одежду в темноте рощи, быстро сориентировались и вернулись к себе через калитку. С дороги насколько я мог видеть в небе ни-

чего не висело. Растущая луна подтверждала безопасность. Сердце замедлялось, всё успокаивалось. Дряни нигде не было, я позволил псу ездить на тачке. Как он это делает? Что за магическая сила гонит двухколесную тачку под ним? Возможно пёс просто сидит в ней, а у меня дефицит какого-то витамина, отвечающего за рассудок. Витamina, который не кладут в армейские консервы. Нет, хватит на сегодня. Никакого полива, никакой сегодня борьбы за урожай. Тлябля тоже подождёт. Костёр далеко и стал меньше, пожар не должен до нас дойти. Росгарда была на этой неделе. Им лень будет сейчас смотреть что там стряслось в нежилом посёлке. Дрянь больше не прилетит. Мне повезёт. Я вошёл в дом, в свой кабинет и несмотря на скрипящую снаружи тачку лёг спать, свернувшись в кресле. В последнее время я стал занимать всё меньшую площадь.

Тридцать один.

Утро наступило на меня духотой. Проснулся не от пота, не от просочившего луча, не от вздыхания пса. Душно стало так, что я, пренебрегая всей маскировкой отдёрнул штору из старой скатерти на проволоке и открыл большое окно. Первые секунды дали кислород и пара вдохов прошла бодро. Последующие уже внесли в лёгкие подогретую газовую смесь и заставили опираться руками на подоконник. С воздухом что-то не так или ишемия у меня какая-то, но дышать днём вот этим жёлтым солнечным газом невозможно. Польза от открытого окна проявилась ещё в том, что не почувствовал я

запаха гари. Ночной пожар утих. Там вокруг дома была богатая бетонная отмостка и машиноместо величиной с корт для тенниса, наверное, на этом бетоне всё и догорело. Не пошло ни в лес пугать соек, ни к улице на более бюджетные коттеджи из палочек. Я через силу вдохнул ещё раз, ни гари, ни незнакомых запахов. Отошёл шатаясь пьяный жарким газом и стал колдовать над завтраком. Сначала господину псу, потом господину пёсову другу. Ничего, будет зима. Уйдёт пламень адский. И все будут делать вид, что они ни причём. И кто-то победит, а меня перестанут искать днём, и убивать ночью. Все вернуться домой, а главное, вернуться в себя. Зимой, надеюсь, это случится нынешней зимой. Пёс вернулся со двора через лаз в двери и захрустел спрессованными счастливыми калориями, от которых потом улыбаясь будет лежать в самом нежарком месте из возможных. Я с горкой консервов на тарелке украшенной одиноким огурцом пошёл в комнату у северной стены. Она прогревается до невыносимости только к полудню. Проходя мимо градусника отметил взглядом треклятые тридцать один. Что за цифра такая? Почему всегда тридцать один? Ни поделить её, ни отнять. Простое, твою мать, число. Проклятие.

Летний мой тур продолжился мимо оплавившихся акварелей на стене, мимо пары резиновых сапог, наклонившихся от жары в разные стороны, мимо занавески из простыни к столику у книжного шкафа. Что, классики, выпендриваетесь? Что вам не стоит за стеклом? Все тома Чехова и Вон-

негута были прислонены к стеклянным дверям с внутренней стороны, они отошли от задней стенки и устоялись на меня. Они даже на полсантиметра отодвинули стул, подпиравший ручки. Что смотрите агрессивно? Что я могу сделать? Мне лозунги принтером писать и по Лубянке бегать? Или прикажете русскую тоску на хлеб намазывать и этим питаться? Что вы вообще знаете про сейчас из своего вчера? Да, пьют и воруют. Теперь это называется наркомания и коррупция, но суть та. А вы знаете, что нынче образованному человеку чтобы достойно зарабатывать приходится людей убивать или помогать тем, кто убивает, или притворяться что помогаешь. Вы знаете, что дети сдают экзамены по отличиям доброго русского империализма от злого европейского колониального империализма? Чувствуете какие проблемы у нас тут? Не про лирику. Я оставался доволен тем, что Курт не отвечал. Нечего ему ответить, его антивоенная фантастика так и осталась фантастикой. Запустив вилку в консервированное животное, всегда использую вилку вместо ложки, это возвышает, я принялся вставлять в рот плоть в соусе. Но когда дошло дело до стакана с холодной водой, шкаф вдруг ожил.

На верхней полке стали раскачиваться тома биографий Маяковского и с амплитудой ударили по дверцам изнутри. Шкаф наклонился, стул упал и в мою сторону полетели красные корешки из распахнувшихся дверей. Четыре, тяжёлые как удар, тома долетели до меня. Опрокинули тарелку и ке-

сарю кесарево, съездили мне по лицу. Курт и Антон полетели по инерции следом. Мне на плечи и ноги. Богу богово, а такому как я, защищая голову от груды книг, как от кирпичей, ткнуться куда? Я успел укрыться под столешницей, где для меня уготовано логово. Не успели достичь пола и меня ряды нижних книг, как на всё это упал и сам шкаф. Если б я был маленький как великий океан. Я не поместился под столешницу полностью и получил по спине всей массой шкафа. На цыпочки б волн встал, но выпрямится не смог, только разбросал с себя книги и вышел. Приливом ласкался к луне бы, умываясь и осматривая ссадину на лбу в зеркало. Шкаф остался полулежать на столе.

Я понимаю, ребята-дядьки. Не выдержали такой моей пассивной позиции. Надо жечь. Надо глаголом. Согласен. У нас пока по хребту не получишь, мотивация не оформляется в реальную работу. Я запишу всё это, ребята-дядьки. Я вам запишу и покажу. Про моё летнее путешествие, про жар этот внешний, который никаким холодом внутреннего равнодушия не унять. Я вам напишу про всю вырождюпонь, что караулит меня на улице, про победу эту великую и очередную, про загаженную мусором луну, про дрянь, про то, что свободно говоришь только в закрытом коттедже в закрытом посёлке в закрытой стране с закрытым ртом. Про двадцать девять и про тридцать один. Вам всё запишу и покажу. Простыми словами, простыми числами. Становитесь на полки, ребята-дядьки. Сейчас лицо от крови умою и начну писать.

Это нужно записать. Хотя бы для того, чтобы когда жар закончится и аномалия встанет на место, никто не сомневался, что были другие, были мнения, были люди у шкафа. В урну полетел кусок окровавленной туалетной бумаги. Я не торопился возвращаться и поднимать шкаф. Присел на ступеньку, ведущую наверх. Пёс перевернулся в коридоре на другой бок. Какая-то последняя книжка шмякнулась о пол в кабинете и наступила тишина. Она всегда была здесь со мной, но теперь особенно мне будет нужна чтобы находить слова для правильных мыслей в правильный текст.